

В центре внимания

За период после выхода в свет первого номера журнала наиболее обсуждаемой темой в обществе стала проблема повышения пенсионного возраста. О своем отношении к изменению возраста выхода на пенсию высказались депутаты Государственной Думы, общественные деятели, эксперты. Старт дискуссии дал помощник президента РФ А.Дворкович. Выступая на XI Международной Конференции по проблемам развития экономики и общества, которая проходила в Москве 6-8 апреля сего года, он заявил: «.. мне кажется, что время обсудить повышение пенсионного возраста пришло, и не стоит обманывать самих себя, что люди не готовы. Они готовы». На этой же конференции с докладом «Сбережения народа или депопуляция России?» выступил доктор экономических наук, Директор Института демографии Государственного университета Высшей школы экономики А. Вишневский. В нем, среди прочего, автором анализируются целесообразность и последствия повышения сроков выхода на пенсию граждан России.

Надеемся, что нашим читателям будет небезынтересно ознакомиться с результатами исследований.

Вишневский Анатолий Григорьевич

Доктор экономических наук, Директор Института демографии Государственного университета Высшей школы экономики

Снижение смертности способно противодействовать депопуляции России, но не противодействует

На протяжении последних ста лет Россия жила с непоправимой демографической расточительностью, которая крайне плохо согласуется с идеей сбережения народа. Главным проявлением этой расточительности были огромные демографические потери, обусловленные как относительно высокой смертностью в спокойные годы, так и всплесками катастрофической смертности в годы политических и социальных потрясений.

Выше уже упоминалась оценка потерь населения вследствие демографических катастроф первой половины XX в. (свыше 76 млн. человек). Однако даже когда эпоха социальных потрясений закончилась, Россия продолжала нести огромные демографические потери из-за нараставшего с середины 1960-х годов отставания от большинства развитых стран в снижении смертности. Если бы начиная с этого времени снижение смертности в России шло теми же среднегодовыми темпами, что и в странах Европейского союза, США и Японии с 1961 по 1996 г., «если бы кризис смертности в СССР не парализовал здесь ее общемировую тенденцию к снижению, то общее число россиян, умерших за 1966–2000 гг., было бы меньше фактического на 14,2 млн. человек, или почти на 10%. Эта величина

превосходит возможную оценку людских потерь населения России во Второй мировой войне (если принять их равными половине потерь СССР)»¹.

Неблагоприятные тенденции смертности, сложившиеся в России в советское время, не удалось переломить и в постсоветский период. Если взять для сравнения 10 европейских стран с типичными для Западной Европы тенденциями смертности (Австрия, Великобритания, Германия, Ирландия, Испания, Люксембург, Нидерланды, Финляндия, Франция, Швеция) и добавить к ним США и Японию, то за период с 1991 по 2005 г. усредненный для 12 стран общий коэффициент смертности снизился на 23%, что соответствует среднегодовому темпу снижения 1,9% (2,0% у мужчин, 1,9% у женщин). В России же общий коэффициент смертности за то же время повысился на 40% (среднегодовой рост на 2,4%, в том числе на 3,1% у мужчин и на 1,6% у женщин).

Общий коэффициент смертности — грубый показатель, сильно зависящий от возрастного состава населения, он не позволяет проводить корректные сравнения. Но переход к возрастным коэффициентам смертности позволяет не только делать такие сравнения, но и дать приблизительную оценку демографических потерь, которые несет Россия вследствие того, что ей никак не удается выйти на траекторию снижения смертности, по которой уже много десятилетий движутся другие развитые страны.

Если предположить, что с 1991 по 2008 г. направление и темпы изменений возрастных уровней смертности в России были бы не такими, какими они оказались в действительности, а такими, какие зафиксированы в 1991–2005 гг. в среднем в 12 названных выше развитых странах (модель «Запад») (рис. 1), то можно исчислить гипотетическое число смертей, которое должно было бы наблюдаться в России при фактической численности и половозрастной структуре ее населения (рис. 2, левая панель).

Разницу между гипотетическим и фактическим числом смертей можно интерпретировать как «избыточные смерти» россиян, обусловленные неблагоприятными тенденциями смертности в России. Подчеркнем, что это избыточные смерти, полученные не при сравнении уровней смертности в России и передовых по уровню смертности странах, — в этом случае разница была бы намного большей. Предполагался только давно уже свойственный этим странам темп улучшений при весьма высокой исходной российской смертности начала 1990-х годов.

Такой же, но несколько более консервативный расчет был сделан на основе сравнения не с «западными» (с оговоркой, что они включают и Японию), а с девятью восточноевропейскими странами (Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Словакия, Чешская республика, Латвия, Литва и Эстония) (рис. 1, правая панель).

¹ Демографическая модернизация России: 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневого. М.: Новое издательство, 2005. С. 445.29

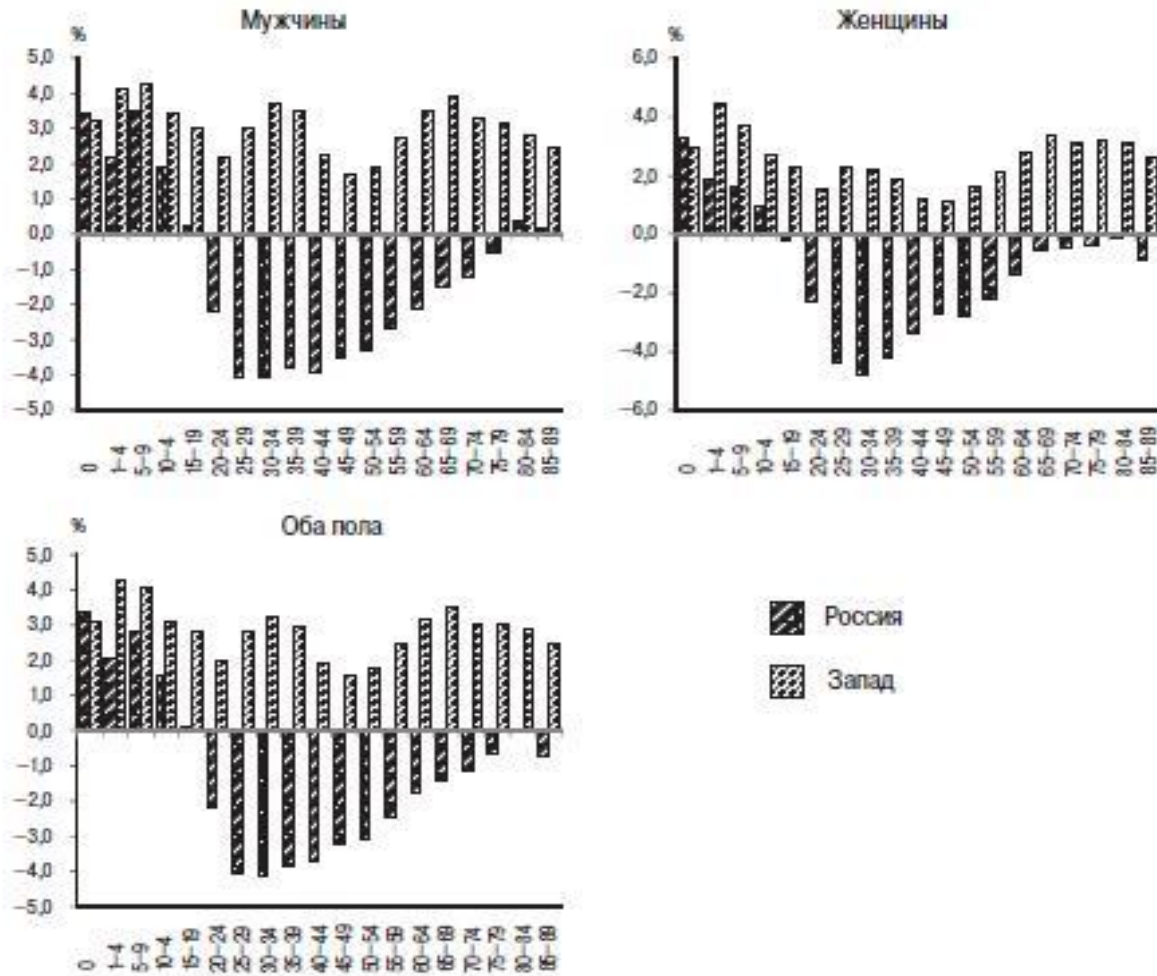

Рис. 1. Среднегодовые темпы снижения возрастных коэффициентов смертности в России и в 12 западных странах, 1991–2005 гг., %

Общее число избыточных смертей за 18 лет (1991–2008) оценивается в первом случае в 12,9 млн., во втором — в 10,7 млн. Это означает, что если бы этих смертей не было, то нынешнее население России насчитывало бы примерно на 11–13 млн. человек больше, чем имеется в действительности (напомним, что естественная убыль населения России за 1991–2008 гг. составила 12,6 млн. человек).

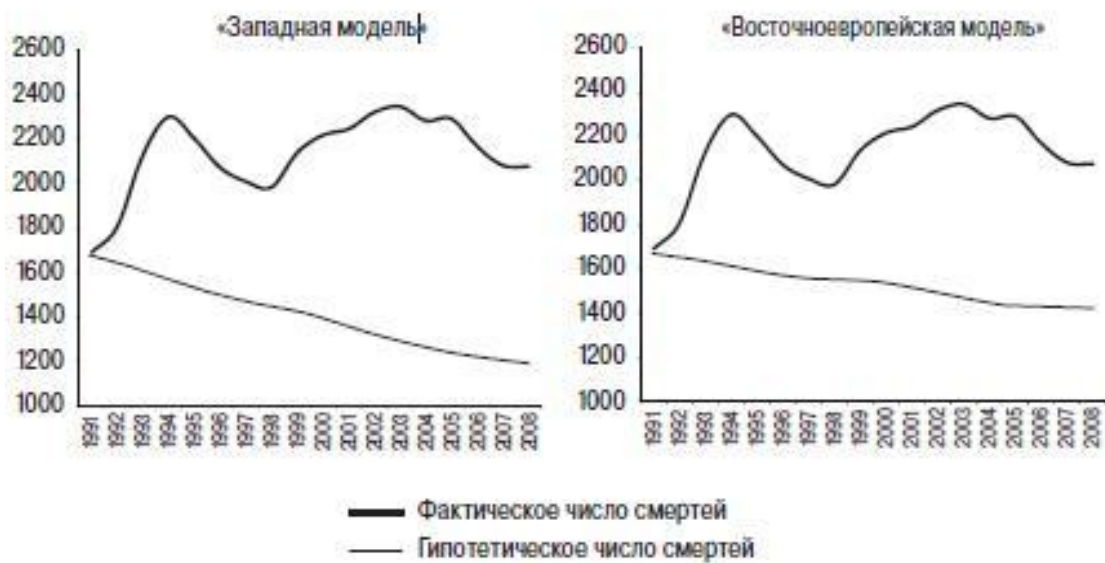

Рис. 2. Фактическое и гипотетическое число смертей в России в 1991–2008 гг., тыс.

38% избыточных смертей в первом случае и 44% — во втором приходится на взрослое население в возрасте от 20 до 60 лет, из них почти 30% (во втором случае — более 34%) — на мужчин (рис. 3 и табл. 1).

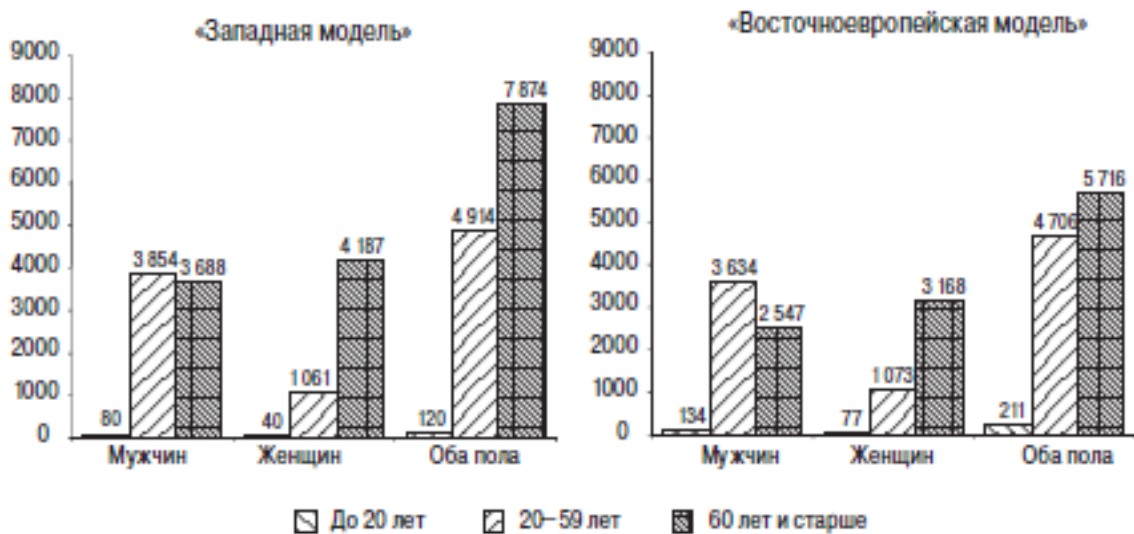

Рис. 3. Число избыточных смертей в России за 1991–2008 гг., по сравнению с западной и восточноевропейской моделью изменений смертности, тыс.

Таблица 1. Структура избыточных смертей в России за 1991–2008 гг., %

Возраст, лет	Сравнение с "западной моделью"			Сравнение с "восточноевропейской моделью"		
	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола
До 20	0,6	0,3	0,9	1,3	0,7	2

20-59	29,9	8,2	38,1	34,2	10,1	44,3
60 и старше	28,6	32,4	61	24	29,8	53,8
Всего	59	41	100	59,4	40,6	100

Снижение смертности способно противостоять старению населения России, но не противостоит

Старение населения, быстрое увеличение доли в населении людей послерабочих возрастов, для которых основным источником средств существования оказывается пенсия, ставит очень серьезные вопросы перед пенсионными системами всех стран, в том числе и России, порождает множество вызывающих тревогу экономических и социальных проблем, которые, также, повсеместно воспринимаются как один из серьезнейших вызовов.

Однако, как это часто бывает, развитие создает не только проблемы, но и возможности их решения. Обусловившая старение необратимая перестройка возрастной пирамиды — результат перехода от равновесия высокой смертности и высокой рождаемости к равновесию низкой смертности и рождаемости (демографический переход). Снижение смертности — ключевой процесс этого перехода, который не просто удлиняет жизнь человека, но изменяет все ее расписание.

Начиная с некоторого момента, снижение смертности оказывается настолько значительным, что, в определенном смысле, обращает процесс старения вспять. Благодаря снижению смертности в старших возрастах, сегодняшнему шестидесятилетнему человеку может предстоять прожить больше времени, чем пятидесятилетнему 20 лет назад. В этом смысле он равен по возрасту пятидесятилетнему человеку двадцатилетней давности, а может быть, даже и моложе его.

В качестве измерителя этих изменений недавно был предложен так называемый «перспективный медианный возраст»², которым можно пользоваться в сравнительных целях.

Как известно, в России лучшие показатели смертности были достигнуты в середине 1960-х годов. Сравним Россию того времени с некоторыми странами. Скажем, в США с тех пор, в силу нараставших процессов старения, медианный возраст населения значительно вырос — с 27,1 года в 1965 г. до 34,8 в 2005 г. Но уже в 1965 г. ожидаемая продолжительность жизни «медианного» американца была такой, как у тогдашнего 25-летнего россиянина, то есть по этому параметру он был моложе на 2,1 года, а в 2005 г. «медианный» американец соответствовал россиянину 1965 г. в возрасте 25,7 года. Иными словами, если использовать российское население 1965 г. в качестве стандарта, то американские мужчины не состарились, а помолодели. В Японии процесс старения зашел гораздо

² Медианный возраст делит население на две равные части, одна из которых моложе, а другая — старше этого возраста. Перспективный медианный возраст — это возраст, в котором население, принятое за стандарт, имело ожидаемую продолжительность жизни, равную той, которая фактически наблюдается в медианном возрасте в изучаемом году в изучаемой стране.

дальше, чем в США, медианный возраст с 1965 по 2006 г. увеличился с 26,3 до 41,9 года, но перспективный медианный возраст, хотя здесь в отличие от США он не сократился, вырос намного меньше — с 23,7 до 30,4 года. Главное же — это то, что и в США, и в Японии он существенно ниже обычного медианного возраста, и разрыв все время увеличивается (рис. 4).

В России, как видно из того же рис. 4, дело обстоит совсем иначе. Пунктирная кривая проходит не ниже, а выше сплошной, стандартизованный показатель указывает на еще большее старение, чем обычный. Сравнение с Японией особенно показательное. Япония лидирует по традиционным показателям старения, в том числе по величине медианного возраста. На протяжении уже четырех десятилетий она демонстрирует одну из самых высоких, если не самую высокую, скорость старения. Но в старении по оси перспективного возраста лидирует Россия. Показатель перспективного медианного возраста российских мужчин увеличивается примерно с той же скоростью, с какой растет обычный (хронологический) медианный возраст японских мужчин, и по своей величине совпадает с ним.

Иными словами, сохранение высокой смертности в России, в отличие от других стран, не позволяет противостоять демографическому старению.

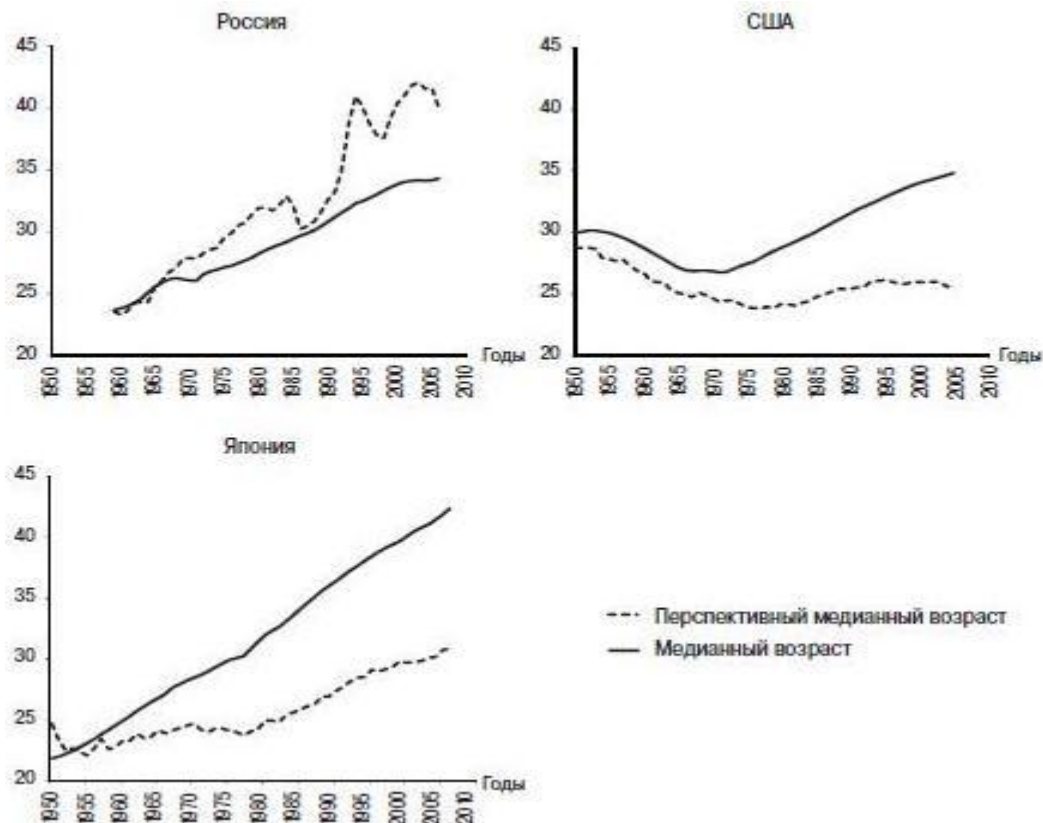

Рис. 4. Обычный и перспективный медианный возраст мужчин в России, США и Японии, лет
 Источник: Расчеты на основе данных Росстата и «Human Mortality Database»³.

³ University of California, Berkeley (USA), and Max Planck Institute for Demographic Research (Germany). Available at www.mortality.org or www.humanmortality.de (data downloaded on March 6, 2010).

В частности, оно блокирует законодательное повышение возраста выхода на пенсию, которое рекомендуют экономисты и которое, действительно, было бы желательно с учетом растущей нагрузки на пенсионные фонды. Но воспользоваться этими рекомендациями в России — значит проигнорировать ее демографические и социальные реалии.

Сторонники повышения возраста выхода на пенсию ссылаются на опыт большинства развитых стран. Но в этих странах кривые обычного и перспективного медианного возраста соотносятся, как в США или Японии, а не как в России. Поэтому, несмотря на более поздний возраст выхода на пенсию, в европейских странах до него доживают гораздо больше людей, чем в России, и в 65 лет им предстоит почти такая же, а иногда и более долгая жизнь, чем в России в 60 или даже в 55 лет. С этой точки зрения, они имеют демографические основания и для дальнейшего повышения пенсионного возраста, которое во многих из них уже запланировано.

Если же наложить европейский опыт нормирования возраста выхода на пенсию на российские реалии, то российская пенсионная система станет классическим образцом социальной несправедливости, особенно применительно к пенсионному обеспечению мужчин.

В России она несправедлива уже и сейчас. Из-за высокой смертности далеко не все мужчины, вступившие в рабочий возраст, доживают до его верхнего предела. Если условно принять, что среднестатистический россиянин начинает работать в 20 лет, а выходит на пенсию в 60, то ожидаемая продолжительность его жизни в этом интервале не может превышать 40 лет. Как правило, она оказывается меньшей из-за того, что часть людей не доживают до выхода на пенсию. Например, в Нидерландах преждевременная смертность сокращает предельную ожидаемую продолжительность рабочей жизни на 2%, в США — на 4,3%. В России же потери составляют 14,3% всего фонда рабочего времени (рис. 5).

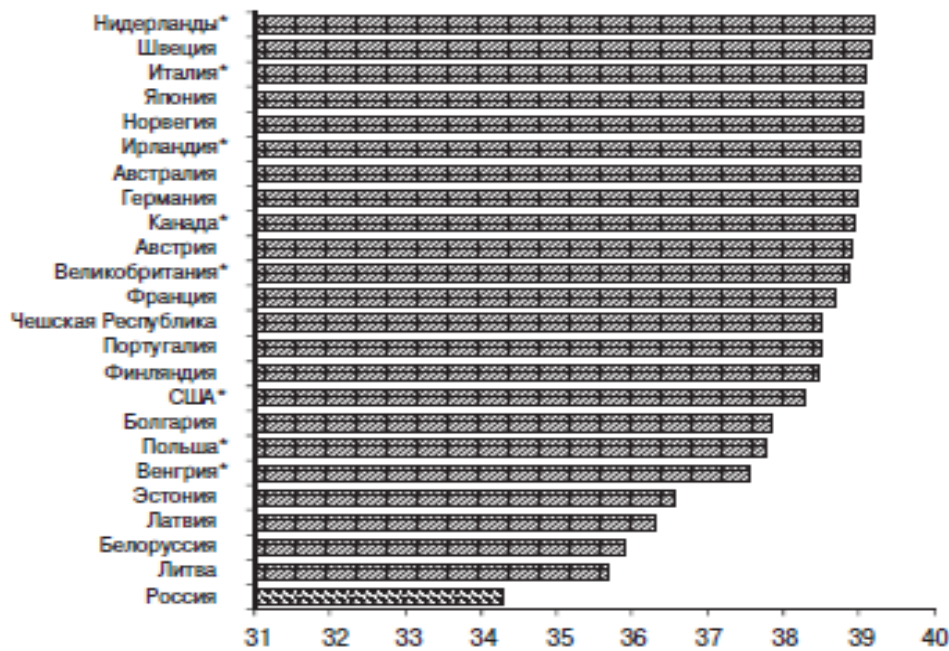

Рис. 5. Ожидаемое число лет, которое предстоит прожить мужчине, достигшему 20 лет, в интервале от 20 до 60 лет в некоторых странах в 2007 (*2006) гг.

Это означает, что значительное число людей, перешагнувших через 20-летний возраст и работавших иногда по несколько десятков лет, умирают, тем не менее, не дожив до пенсии. Условно можно считать, что сделанные ими пенсионные взносы остаются невостребованными или же «наследуются» выжившим⁴. Их можно рассматривать как вклад в формирование пенсионного фонда тех, кто дожил до пенсии и прожил после этого какое-то время. Отношение совокупного времени, проработанного в возрасте от начала трудовой деятельности до выхода на пенсию (в нашем примере от 20 до 60 лет), к совокупному времени, прожитому после выхода на пенсию, можно интерпретировать как коэффициент поддержки пожилых.

Из-за высокой смертности мужчин вклад «невостребованных взносов» в коэффициент поддержки пожилых у нас очень велик и все время увеличивается (рис.6). Так, при возрасте выхода на пенсию 60 лет у мужчин в условиях смертности 1965 г. он не достигал и 20%, в условиях смертности 2006 г. повысился почти до трети, а если бы возраст выхода на пенсию был 65 лет, он превысил бы 40%.

⁴ Демографической аналогией «взноса» и «пенсии» является фонд времени, измеряемый в человеко-годах, прожитых, соответственно, в трудоспособном и в пенсионном возрастах. «Невостребованные взносы» — это рассчитанное на основе таблиц смертности число человеко-лет, прожитых в трудоспособном возрасте теми, кто умер, не дожив до его окончания.

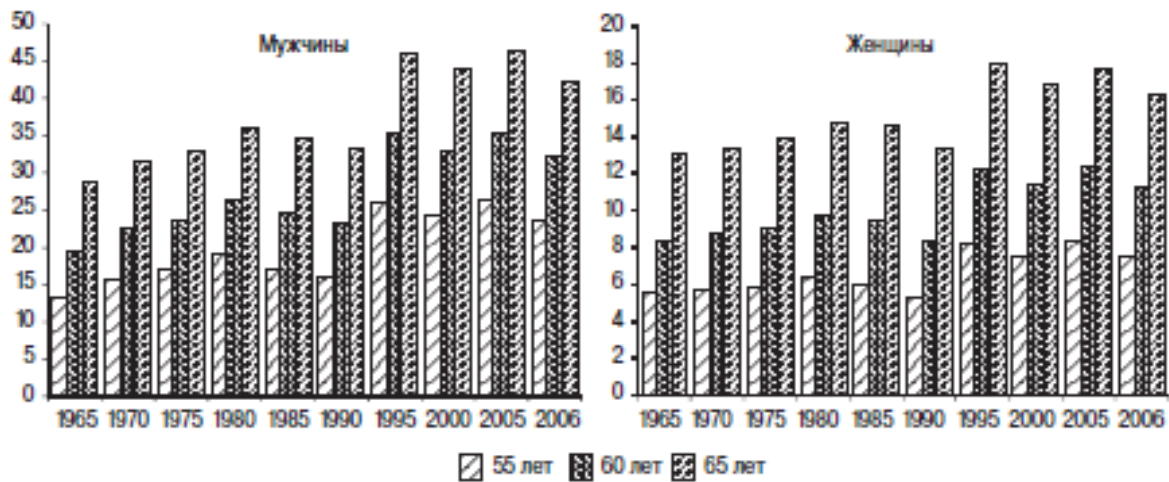

Рис. 6. Вклад умерших в коэффициент поддержки пожилых при разных пенсионных границах в условиях российской смертности соответствующих лет, Россия, %

Источник: расчеты на основе данных Росстата и «Human Mortality Database». University of California, Berkeley (USA), and Max Planck Institute for Demographic Research (Germany). Available at www.mortality.org or www.humanmortality.de (data downloaded on March 6, 2010).

При современном уровне смертности российских мужчин и нынешняя пенсионная граница, приходящаяся на возраст 60 лет, слишком высока. Столь значительная роль невостребованных пенсионных вкладов, как у российских мужчин при пенсионной границе 60 лет (35,4% в 2005 г.), в других странах не наблюдается даже при границе 65 лет (23,4% — в Польше, 14,8% — в США, 11,1% — в «Западной Европе», 10,7% — в Японии) (рис. 7). Если же в России мужчины выходили бы на пенсию в 65 лет, то в условиях смертности 2008 г. до этой границы не доживали бы половина мужчин, перешагнувших 20-летний возраст.

Очень скромны жизненные перспективы и у тех российских мужчин, которые все же дожили до пенсии. Ожидаемая продолжительность жизни 60-летнего россиянина в 2008 г. составляла 14,2 года. Это на 3,5 года меньше, чем у 65-летнего у англичанина, на 4,4 года меньше, чем у француза, и почти на 6 лет меньше, чем у жителя Нидерландов. Для россиянок разница не столь разительна, но и у них ожидаемая продолжительность жизни в 60 лет меньше, чем у жительниц Западной Европы в 65 лет.

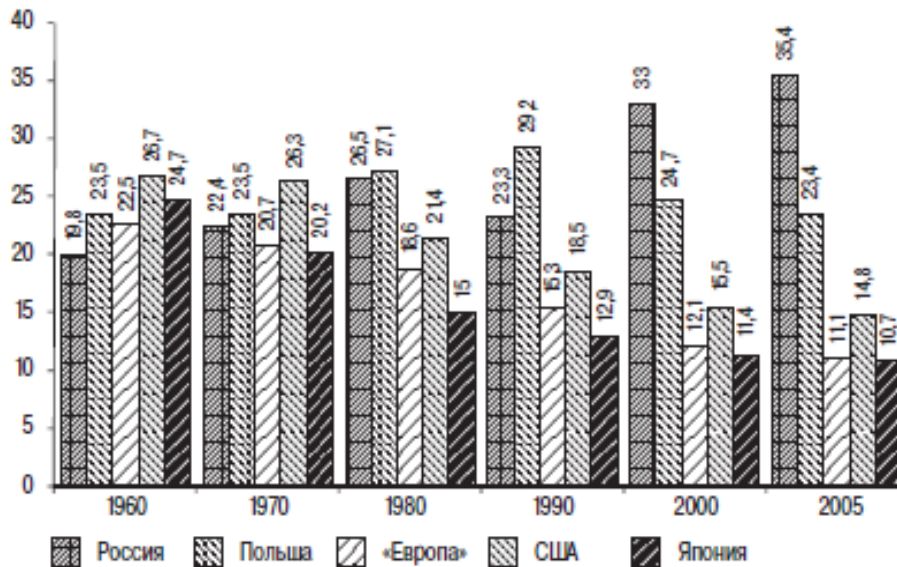

Рис. 7. Вклад в коэффициент поддержки лиц пенсионного возраста тех, кто не доживает до пенсии, в интервале возраста от 20 до 60 лет в России и от 20 до 65 лет в других странах, % (мужчины)

Примечание: «Европа» — арифметическая средняя по четырем странам: Англия и Уэльс, Франция, Италия, Швеция.

Источник: Рассчитано на основе базы данных «Human Mortality Database».

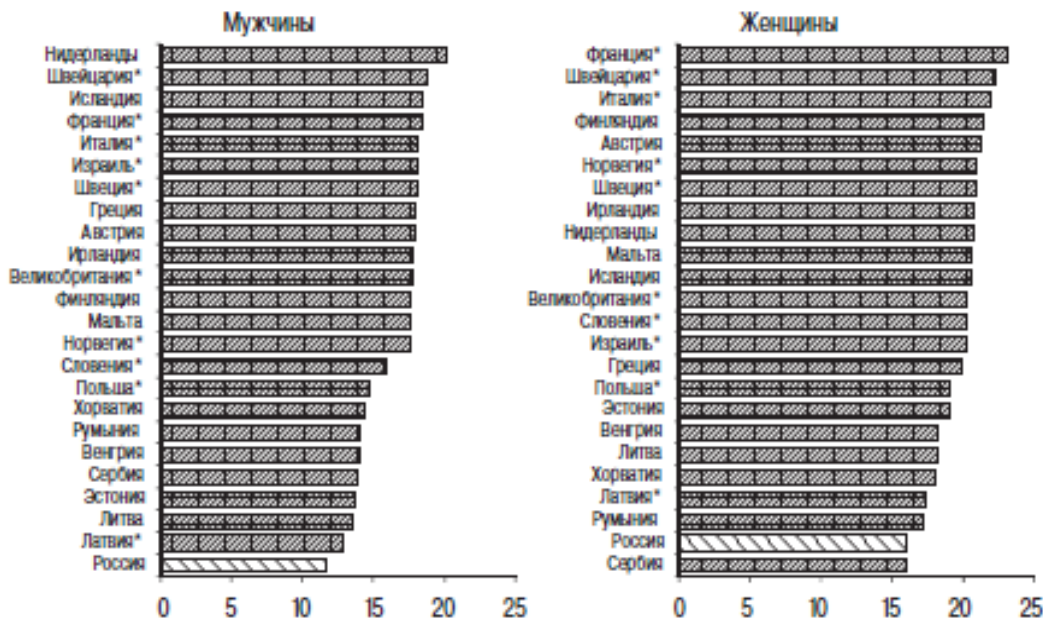

Рис. 8. Ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 65 лет в некоторых европейских странах, 2008 г. (*2007 г.), лет.39

Если же представить себе, что возраст выхода на пенсию для мужчин в России поднят до 65 лет, то при нынешнем уровне смертности в момент выхода на пенсию россиянину предстояло бы прожить в среднем 11,7 года, что в полтора раза и более уступает ожидаемой продолжительности жизни среднего жителя Западной Европы того же возраста — на 6 лет меньше, чем у англичанина или ирландца, почти на 7 лет меньше, чем у француза, более чем на 8 лет меньше, чем у голландца (рис. 8).

Источник доклада Вишневого А.Г.: [ГУ-ВШЭ](#)